

О встрече на вершине

В середине мира есть Гора,
И надо мне на эту Гору.

З. Миркина

Книгу Григория Соломоновича и Зинаиды Александровны «Великие религии мира» священник Александр Мень называл «нашей книгой». Вот насколько он разделял ее дух.

Эта книга ставит такие вопросы, на которые можно ответить только всем собой. Чужими ответами воспользоваться не удастся. Даже если они кажутся верными. Эти ответы нужно прожить. Этими ответами нужно стать.

«Глубина любой великой религии, ближе к глубине другой великой религии, чем к собственной поверхности».

Что это значит? Как это понимать?

Сказано: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь — един» (Втор 6.4)...

Сказано: «Я - путь, истина и жизнь, никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6)...

Сказано: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его».

Таковы краеугольные камни религиозных мировоззрений. Но это камни, лежащие у подножия горы, на которую духовным искателям предстоит взойти. И взбираются они по одной и той же горе, хотя поначалу кажется, что каждая великая религия – это отдельная гора. Но в Боге нет ничего отдельного. Бог это Тот, Кто все Собою связует. Вот почему так бесконечно важно свидетельство Померанца и Миркиной: «Всякий, пришедший в глубину глубин - в Бога - не может не встретить там другого путника, пришедшего туда же». А если ты не встретил там другого путника, то значит, ты просто еще не дошел до вершины. Ты принял за вершину свою

религиозную теорию, систему взглядов, руководящую идею, то есть свой собственный ум...

Догматические положения не нужно оспаривать. Нужно просто подниматься в гору. Шаг за шагом. И чем выше ты поднялся, тем меньше тебе хочется кому-то или чему-то противоречить. В твоей душе мир. Спорящие голоса, твердые нотки, которые ты слышал у подножия горы, тонут в во всеобъемлющем просторе и ветре. И в этом просторе рождается фраза «Стиль полемики важнее предмета полемики». В истинное общение каждый привносит свой простор и этим просторам не тесно вместе. Они не выталкивают друг друга из беседы, а делают ее глубокой, и такая беседа заканчивается проникновенным молчанием, в котором рождается святость.

Там, на высоте начинает звучать совершенно иная музыка.

Бог един, а тем, кто стоит у подножия горы хочется, чтобы Бог был единственным. И вот создается целая духовная индустрия, которая работает на это мироощущение. Я не говорю сейчас о средневековых зачастую изуверских формах богопочитания, я говорю об умонастроении современных христиан, иудеев, мусульман, буддистов. Я говорю о таком важном внутреннем движении к Богу единому, в котором нет ничего жесткого, нетерпимого, застывшего, ничего старчески-раздражительного или инфантильно-агрессивного.

Померанц и Миркина не призывают отказываться от одного образа Бога в пользу другого образа, и уж тем более переходить из одной веры в другую. Они предлагают осознать приблизительность любого образа и условность любых символов. Они зовут искать глубину той веры, которую ты исповедуешь, но там, на глубине увидеть такой свет, который светит всем...

Нет истинной или неистинной веры. Есть бездонная глубина веры и ее поверхностный слой, в котором обретаются консерватор, фанатик и изувер. Есть только человек, который либо чувствует чужую боль как свою

собственную, либо осознает что другой, это тоже я, либо не чувствует и неосознает.

Бог есть, Бог един, и все мы дети Божьи...

В Дахау была найдена молитва неизвестного еврея, видимо хасида, написанная на клочке оберточной бумаги: «Да перестанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников... Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе... Прими во внимание добро, а не зло. Пусть мы останемся в памяти наших врагов не как жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них». Эту молитву, напечатанную в «Зюддойче цайтунг», несколько раз вспоминал в своих проповедях вл. Антоний Сурожский.

А вот еще одна молитва.

«Человек, которого я знал близко, - писал Владыка Антоний, - который оказал на меня определенное влияние в молодости, во время немецкой оккупации был схвачен и отправлен в концентрационный лагерь. Он вернулся оттуда через четыре года. При первой встрече я спросил его: «Что вы вынесли из лагеря?» Он ответил: «Тревогу». Меня это поразило, потому что он был человеком крепкой веры, сильным человеком; и я переспросил: «Вы хотите сказать, что потеряли веру?» И он ответил: «Нет; но видишь ли, пока я был в лагере и подвергался жестокостям, насилию, я сознавал, что Бог дает мне власть прощать. В любое мгновение я мог сказать: Господи, прости! они не знают, что творят... В любое мгновение я мог сказать: Господи, Тебе больше нечего взыскать с них, я простил им в Твое имя. А теперь я на свободе; те, кто нас так мучил, когда-то встанут перед судом Божиим, и я

хотел бы всем существом воззвать к Богу: «Прости!» Но как Он может мне верить? Я больше не страдаю...»

Далай-лама, духовный лидер тибетских йогов и мудрецов, поведал о преклонных лет монахе, который провел в китайской тюрьме восемнадцать лет. После своего освобождения он в конце концов добрался до Индии. Как-то Далай-лама спросил его о том, что он пережил в ГУЛАГе? Монах сказал, что несколько раз сталкивался лицом к лицу с опасностью. Тогда Далай-лама спросил о какой опасности идет речь, полагая, что монах говорит об угрозе для жизни. И монах ответил, что это была опасность утратить сострадание к китайцам...

Чем отличаются друг от друга этот хасид, православный и тибетский буддист? Ритуализированными формами богопочитания? Безусловно. Различие языков и образов религиозного опыта не может быть устранено. Но в духе этих трех людей - ничто не разделяет, в духе они едины. И встретились они на вершине одной горы.

7 декабря 2015

Роман Перельштейн